

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПОСТСОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Короленко Ц.П.

д.м.н., профессор, зав кафедрой психиатрии НГМА, г. Новосибирск,

Дмитриева Н.В.

д.пс.н., профессор, зав кафедрой психологии личности и специальной психологии НГПУ, г. Новосибирск

E-mail: dnv2@inbox.ru

Термины “постмодернистское общество” и “постмодернистская культура” в последние десятилетия все чаще встречаются в литературе по социологии и транскультуральной психологии. Они отражают специфику новых явлений и процессов, происходящих в конце 20-го и начале 21-го века, прежде всего, в наиболее развитых странах. Постмодернистская культуральная модель, являясь продуктом модернистского общества, сосуществует с ним, проявляя тенденцию к более или менее быстрому дальнейшему распространению. В разных регионах мира, в том числе и в сегодняшней России, обнаруживается мозаичность сочетания традиционной, модернистской и постмодернистской культур. Постмодернистская культура в современной России получает наибольшее развитие в крупных городах, метрополиях, зонах интенсивного промышленного роста. Для лучшего понимания особенностей постмодернистской культуры целесообразно остановиться на основных чертах предшествующих ей культур – традиционной и модернистской.

Присущая традиционной культуре патриархальность не только препятствует естественному развитию, но и является несовместимой с темпом изменений, имеющих место в высокоразвитых регионах. Ее относительно длительная стабильность во времени во многом обусловлена особенностями политических систем, искусственно сдерживающих спонтанно происходящие процессы. Так, например, традиционная культура в СССР (бывший СССР, несмотря на специфику коммунистического режима, сохранял многие элементы унаследованной им от Российской империи традиционной культуры) характеризовалась сравнительно медленным темпом развития и неспешными изменениями в различных сферах жизни. Все события того периода происходили постепенно и плавно, с многочисленными периодическими задержками, зависанием, стагнацией экономических и социальных процессов. Традиционному обществу типичны сильные связи как внутри ядерной семьи, так и между членами большой, расширенной семьи, включая весь родственник клан. Традиционная культура консервативна. Географическая подвижность ее членов ограничена. Люди очень привязаны к месту жительства, работы. Так,

*Материалы межрегиональной заочной научно-практической конференции
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ»*

20 августа 2009 г.

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ И СПЕЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ
НП «СИБИРСКАЯ АССОЦИАЦИЯ КОНСУЛЬТАНТОВ»

например, известно, что в условиях СССР в течение длительного периода существовал закон принудительного распределения выпускников высших и специальных средних учебных заведений. Увольнения и переход на другую работу по собственному желанию без разрешения администрации были запрещены. Люди, работающие в сельском хозяйстве (колхозы, совхозы) не имели паспортов, что лишало их возможности переезда в город или на другую территорию. Фактически за железным занавесом, камуфлированным лицемерными демагогическими лозунгами о свободе и “вольном дыхании”, существовали элементы восстановленного крепостного права, отмененного в России в 1862 г.

Люди в традиционном обществе поддерживали тесные отношения как внутри ядерной семьи, так и с членами своего родственного клана, входящими в состав расширенной семьи. Создание эмоционально теплых отношений с соседями и друзьями обуславливалось традицией и жизненной необходимостью во взаимной поддержке. В то же время эти отношения далеко не всегда включали достаточную интимность и эмпатию. Традиционное общество было социально стратифицированным, подчинялось строгой регламентации и порядку, в котором каждый знал свое место. Любовь, проявления душевной заботы между родителями и детьми и между супругами ограничивались социальной дистанцией между поколениями и полами. 7-8 - летние дети считались “маленькими взрослыми” и часто отсылались в другие семьи в качестве прислуги или в школьные интернаты. Заключение брака и рождение детей основывалось, прежде всего, на экономическом принципе и законе, согласно которому мужья, в отличие от жен, имели почти неограниченные права. Жены находились в подчиненном положении. Такое положение санкционировалось не только законами, но и религией, а также принятыми в обществе нормами. Церковь в традиционном обществе ограничивала сексуальность, разрешая сексуальные отношения только в браке с целью продолжения рода, мотив получения удовольствия исключался.

В модернистском обществе значение интимности и эмпатии в межличностных отношениях, особенно внутри ядерной семьи, между супругами, родителями и детьми возрастает. Семейная среда становится изолированной, во многом приватной крепостью, защищенной от внешних вмешательств посторонних структур, в том числе государственных и религиозных институций. В благополучных обеспеченных семьях среднего класса создаются хорошие условия для прогрессивного воспитания и обучения детей, приобретения ими разносторонних знаний в обстановке родительской любви и заботы. В целом индивидуум модернистского общества имеет реальные шансы выхода из системы ограничений и запретов традиционной культуры.

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ И СПЕЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ
НП «СИБИРСКАЯ АССОЦИАЦИЯ КОНСУЛЬТАНТОВ»

По мнению исследователей, семейные ценности в 1950-х годах содержали в себе более чем достаточное количество элементов культуры индивидуализма, называемого автором “индивидуалистским этосом”. Последний набирал силу на Западе со времени возникновения коммерческого капитализма. Люди с нарастающей интенсивностью искали смысл жизни в самореализации и интимности. Эти процессы происходили в рамках изолированной ядерной семьи, состоящей только из родителей и детей. С середины 1960-х годов поиск путей самореализации стал приобретать все более индивидуалистический характер, несмотря на то, что зачастую это приводило к распаду семьи.

Британские антропологи обращают внимание на изменение содержания самого понятия “индивидуализм” в процессе перехода к постмодернистской культуре. Для модернистского общества характерна тенденция, присущая не только представителям английского среднего класса, но и общая для евро-американской цивилизации. Эта тенденция проявляется в стремлении каждого нового поколения быть более индивидуалистическим, чем предшествующее, в желании родителей видеть своих детей более индивидуальными, чем были они. В сознании англичан в ходе спирального развития сформировался гипериндивидуализм, характеризующийся потерей чувства индивидуального отношения и ответственности по отношению к другим. Индивидуум утратил не только часть необходимых для успешной социализации экстерииоризированных черт личности. В нем начали происходить внутренние изменения, приводящие к деформации его отношений с обществом.

Модернистская концепция воспитания детей предполагает наличие у родителей чувства ответственности за формирование характера ребенка. К сожалению, в реальности дети часто лишаются родительского контроля. Они очень рано осознают свои права, их поведение далеко не всегда соответствует общепринятым нормам и правилам, становится агрессивным, бескомпромиссным. Дети не всегда понимают отрицательные последствия своих действий. Прививаемые ребенку чувства, самооценка его социального «Я» и оценка своих родителей, в особенности матери, хотя и делается не всегда правильно, но воспринимается им как зрелая и соответствующая истине. Родительское, и в особенности, материнское чувство ответственности за формирующийся характер детей превышает возможности родителей и детей и наносит как тем, так и другим, серьезное психологическое повреждение. Если лица, осуществляющие первичную заботу о детях, воспринимают особенности их характера как оценку своей собственной компетентности, то тем самым они ввергают себя в состояние парализующего сомнения в собственной компетентности.

Европейские социологи отмечают, что модернистская культура уже содержит в себе элементы постмодернизма, которые легко развиваются на ее

почве. К ним автор относит два ключевых компонента: капитализм и изолированный индивидуум. Капитализм господствует во всем мире и объединяет его, а люди, живущие в таких условиях, чувствуют себя в них изолированными и чужими, оставаясь наедине со своим эго. Таким образом, в то время, как мир объединяется и унифицируется в связи с универсальным влиянием капитализма, сфера взаимопонимания и межличностной эмпатии сжимается как шагреновая кожа до размеров одного индивидуума. Человек становится чужим среди чужих для него других.

Центральное место в постмодернистской культуре занимает шопинг (покупки). Постмодернистская культура является, прежде всего, культурой потребления. Шопинг имеет в ней особый психологический смысл, становится способом самоопределения. Шопинг бросает вызов осознанию идентичности, предлагая приобрести новую идентичность “человека-потребителя”. Основными психосоциальными факторами формирования идентичности личности модернистской культуры являлись работа, профессиональная деятельность, социальные связи и функционирование в обществе. И, если девиз модернистской культуры звучал как “ Я идентифицирую себя с тем, что я делаю”, то девиз постмодернистской культуры провозглашается как “ Я идентифицирую себя с тем, что я покупаю”. В постмодернистском обществе специалисты по рекламе с помощью средств массовой информации обучают человека с раннего детства думать именно таким образом.

Постсовременный мир эпизодичен, непостоянен, условен и случаен. То, что сегодня принято считать безусловно “правильным“, завтра может оказаться “неправильным”. Постмодернистской культуре свойственны онтологическая неуверенность, исчезновение критериев правильности общепринятых систем ценностей, положений, мнений, стратегий поведения, принятия решений. Психологическое содержание значений, декларируемых истин, правил, положений, регламентированных активностей оказывается неполным, незавершенным, двойственным. Сущность этих феноменов изменяется уже с начала их возникновения и тем более применения в реальной жизни.

Происходящее неизбежно приводит человека к отчуждению, изоляции, возникновению экзистенциального страха аннигиляции, отсутствия существования, состояния, названного известным польским писателем Гомбровичем “паникой на фоне обломков”. В таком состоянии на сознательном и бессознательном уровнях появляется желание почувствовать себя хоть в какой-то степени и хотя бы временно внутренне интегрированным, спаянным, целостным. Это чувство находит выражение в стремлении испытать безответственное возбуждение и особую радость, становясь членом, частичкой толпы. Сливаясь с толпой, человек «присоединяется» к общему для всех ее членов коллективному бессознательному, что коренным образом изменяет субъективное восприятие себя, своего эго. Слабое фрагментированное эго

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ И СПЕЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ
НП «СИБИРСКАЯ АССОЦИАЦИЯ КОНСУЛЬТАНТОВ»

временно насыщается энергией коллективного бессознательного, что сопровождается психическим подъемом, ощущением необычных возможностей, силы, единения с другими членами толпы. Образ такой толпы может иногда появляться в качестве воображаемого объекта, приводя в целом к аналогичному психологическому состоянию ощущения ослабления чувства одиночества, большей уверенности в себе, заполнения внутренней пустоты. О таких проявлениях социофилии прекрасно сказано у Губермана: «Как жаль, что часто гонит нас в объятья гомона и пира боязнь остаться лишним раз в пустыне собственного мира».

Отсюда стремление к идентификации с командой, группой, какой-нибудь общей темой, общим интересом. Общественные структуры, создаваемые в постмодернистской культуре, часто объединяются на базе позитивных намерений. В них ищут стабильности, тепла, уверенности, возможности приобщиться к гуманистическим ценностям. К сожалению, подобные проявления социофилии в постмодернистском обществе обычно кратковременны, так как не имеют под собой сколько-нибудь глубоких корней, кроме изначального стремления к объединению. В случаях наличия у членов таких объединений экстремистских, фанатических идей и установок, возможно возникновение социально опасных активностей. В более мягком варианте встречаются нетерпимость к лицам, не входящим в группу, всевозможные предубеждения, утрированная традиционность, неприемлемость каких бы то ни было оппозиционных взглядов.

Член постмодернистского общества практически чужд большинству людей, с которыми ему приходится встречаться. В модернистском обществе “чуждость” определялась указаниями “сверху” центральными авторитетами. Чужой в постмодернистском социуме это, с одной стороны, незнакомый сосед, а, с другой, – не совсем незнакомый человек. Чужим свойственны характеристики первого и второго вариантов. Чужие подобны соседям, и, в то же время, остаются непонятными и недоступными для понимания.

Человек постмодернистского общества сталкивается с объективным фактом изменения роли языка. В существующих до этого прежних социальных формациях язык использовался как средство непосредственного контакта с окружающим миром, в том числе как средство его описания. В постмодернистской культуре язык становится средством самого формирования мира. Человек постсовременного мира пользуется языком, выполняющим функцию поддержки самоопределения, помогая ответить на вопрос: кем и чем он/она является.

Индивидуум в постмодернистском обществе не просто фрагментарен. Фрагменты его психики нагружены огромным количеством сознательных и бессознательных значений. Социальная перенасыщенность личности сочетается с фрагментарностью, отдельные фрагменты (субличности)

выражают различные, часто противоположные по смыслу и содержанию состояния и используют разный язык. Все это приводит к множеству не связанных друг с другом инкогерентных отношений (конфликтов между субличностью).

По мнению Gergen (1991), постмодернистскому миру важно хотя бы в какой-то мере быть стабильным и постоянным, поскольку само общество не позволяет опереться на него как на структуру, поддерживающую любое постоянство и последовательность[5].

Среди факторов постмодернизма особенное значение имеют следующие : (1) чрезвычайная мобильность населения; (2) культуральный плюрализм; (3) мобильность символов; (4) культуральные изменения.

Как известно, в традиционном, а в определенной степени и в модернистском обществе миграция населения была или девиацией или явлением нетипичным. В постмодернистском обществе миграция является нормой. Передвижение происходит в различных направлениях. Люди переселяются из сельской местности в города, из одного региона в другой, из одной страны в другую. Причины миграции различны. Люди меняют место жительства, надеясь на улучшение финансового положения, получение лучших возможностей для обучения, профессионального роста, спасение от дискриминации, обеспечение более безопасной и перспективной жизни своим детям.

Процесс глобализации в постсовременных обществах приводит к тому, что многие регионы, характеризующиеся ранее культуральной и этнической гомогенностью, становятся космополитичными, включают в свою структуру целые районы, населенные мигрантами из других культур и этносов.

Новые слова, непривычные выражения, зрительные образы заполняют окружающее пространство. Ранее неизвестные сигналы, знаки и символы транслируются по телевидению, радио, интернету, постоянно «бросаются» в глаза, встречаясь в рекламных щитах, вывесках фирм, банков, супермаркетов. Из материала этих символов формируется психическая реальность постсовременного человека.

Рост социального релятивизма делает человека постсовременной культуры все более восприимчивым к усвоению новых ценностей в различных сферах каждодневной жизни. Это относится, в частности, к появлению новых речевых оборотов, изменению привычного традиционного диетического режима, введения новых ритуалов, традиций и праздников.

Одним из феноменов постмодернистского социума является потеря злом своего прежнего обличья. Внешне оно не выглядит как зло потому, что не проявляется признаками, на основании которых люди привыкли распознавать его как таковое. Надевая маску банальности, оно выглядит как привычная повседневность. Обыденность зла является ужасом постсовременности, так как

порождает качественно новую форму преступлений, совершаемых людьми, часто неосознающими и неощущающими преступности и античеловечности совершаемых ими деяний. Важно подчеркнуть, что новые проявления зла не являются маской, поскольку, если, по мнению такого человека, ему нечего скрывать, и совершенный им грех не осознается, а чувства вины и стыда отсутствуют, маска не нужна. Зло в постмодернистской культуре незаметно приобрело даже другое звучание, оно лишилось свойственных ему ранее зловещих интонаций. Носители зла стали говорить негромкими, монотонными, неэмоциональными голосами, которые можно сравнить с тональностью звукозаписывающих устройств, сообщающих сводки погоды или какую-либо коммерческую информацию. Вышеперечисленные особенности тембра и тона голоса злящихся личностей не случайны, они отражают отсутствие у них седьмого чувства, отсутствие эссенциальной эмоциональной привязанности к людям, событиям, ситуациям, того, что в психологии принято называть аттачментом. К особенностям вербальных проявлений зла в постсовременной культуре относится также своеобразная безжизненность нарратива, наблюдаемая во время диалогов. Эта безжизненность не связана с содержанием повествования, она затрагивает не только нейтральные “скучные” темы, но и эмоционально окрашенные сюжеты, рассказываемые безучастно, вяло и педантично.

Таким образом, анализ психологического портрета человека постсовременного общества выявляет ряд особенностей, к которым, прежде всего, относятся фрагментарность психики, диффузная (диссоциогенная) идентичность, специфическая эмоциональная недостаточность, препятствующая формированию эмоциональной привязанности. Фактически происходит дегуманизация человека, который лишается основных человеческих качеств, превращаясь в гибрид человека и машины.

Особенности, присущие постсовременному обществу, создают объективные условия для возникновения различных психологических и психических нарушений. Речь идет, с одной стороны, об увеличении количества некоторых ранее диагностируемых расстройств, с другой, – о появлении не входящих в классификаторы (DSM – IV, ICD -10) нарушений. К последним относятся, в частности, “приносящие вред дисфункции”, теневые синдромы, личностные нарушения у детей и подростков, нарушения дефицита внимания, феномен “нормотической личности”, синдром выгорания, синдром недостаточности аттачмента, диссоциогенная идентичность и др.

Феномен хронической нехватки времени приобретает в постсовременном социуме особое значение. Все чаще возникают и становятся естественными ситуации, когда люди, находящиеся в дружеских отношениях и симпатизирующие друг другу, обнаруживают, что у них нет времени собраться вместе по какому-то случаю, отметить какое-то событие, значимую дату, чей-то

день рождения, праздник, просто провести вечер во взаимном общении. Не хватает времени для просмотра интересных фильмов, посещения выставок, чтения художественной литературы. Его не хватает даже для самого себя, для самоанализа своих мотиваций, целей, ценностей и способов их достижения. Нет времени разобраться в обстановке, в себе, избавиться от необходимости подчиняться навязываемым социумом неприемлемым суггестиям, найти свой путь в жизни, научиться управлять своей жизнью и отношениями с окружающими. Феномен нехватки времени особенно деструктивен в случае его распространения на исполнение родителями, и, прежде всего, матерью функции психобиологически адекватного парентинга (родительства), что является главной причиной материнской депривации.

Известно, что в самом раннем периоде жизни нуждаемость младенца в симбиотических отношениях с матерью или другим человеком, осуществляющим заботу о нем, чрезвычайно велика. В нормальных условиях в последнем триместре беременности мать постепенно все в большей степени фиксируется на еще не родившемся ребенке, отказываясь от многих психосоциальных функций, и в том числе, в определенном смысле фактически отказываясь от своего прежнего я, от прежней идентичности. В этом периоде жизнь матери подчинена ребенку, удовлетворению его потребностей, что особенно выражено у эмпатической, интуитивной матери. Если мать недостаточно интуитивна, переживает состояние стресса, страдает каким-либо психическим нарушением, этого не происходит. Младенец не получает необходимого “обратного питания”, обратной связи, что нарушает его психическое развитие уже на этом раннем уровне развития.

Наличие симбиотических отношений с матерью необходимо для младенца и в течение первых месяцев после рождения. Выход из симбиоза и развитие сепаратности должны быть постепенными, плавными, не травмирующими ребенка. В противном случае психическое развитие ребенка и формирование его характера также блокируются. В целом, такое нарушение психобиологической связи нельзя диагностировать как “раннее отбрасывание” или “отказ”. Возникают условия для последующего развития ряда отклонений. Последние, очевидно, включают как формально диагностируемые психические расстройства непсихотического уровня, так и феномены, относящиеся к описанным в данной книге “повреждающим дисфункциям”

Различным культурам свойственны присущие им факторы риска возникновения определенных психических расстройств. Согласно существующей концепции, каждая культура создает свойственные ей особые формы психической патологии, которые в гипертрофированном, максимально заостренном виде выражают присущие данной культуре проявления. Постмодернистский сэлф, вызывающий особый интерес специалистов, диагностируется по-разному. Наиболее часто он квалифицируется как

фрагментарный или мультифренический сэлф [5], в других случаях как тревожный [11], нигилистический и депрессивный [9], осциллирующий между ужасом и хронической скукой [12]. В исследованиях Gottschalk [6.7], Ц.П.Короленко, Н.В.Дмитриевой [1] описываются варианты антисоциального сэлфа.

По мнению Gottschalk (2000), использование столь разнообразных терминов отражает ситуацию постепенного исчезновения характерного для модернистской культуры понимания сэлфа как стабильной и незыблемой консервативной структуры с заменой последнего на оценку сэлфа как динамического процесса, проявляющегося множественными, часто противоречащими друг другу состояниями [7].

В постмодернистской культуре сэлф становится нарративным ресурсом, историей, которую мы, в зависимости от тех или иных обстоятельств, по-разному рассказываем друг другу.

Кардинальные изменения в обществе, произошедшие за последнее десятилетие, привели к переоценке значимости большинства фундаментальных ценностей. Человек в постмодернистском обществе не имеет точки отсчета в оценке критериев правильности или неправильности различных эстетических, социальных и личных ценностей.

Присущая постмодернистскому обществу тревога в быстром потоке непрерывных изменений приобретает другое, в сравнении с модернистским периодом, содержание. Феномен тревоги в постмодернистской культуре ассоциируется с неуверенностью, которая “пронизывает все аспекты каждодневной социальной жизни, оказывая особенное влияние на чувство идентичности” [3]. Тревога в постмодернистском обществе является наиболее часто диагностируемым синдромом [10, 13]. Pitchot (2008) подчеркивает, что в настоящее время тревога все чаще протекает без ремиссий, приобретает хронический характер и провоцирует возникновение таких осложнений, как аддикции и депрессивные состояния. По мнению Maguire, постмодернистская культура содержит в себе «резервуары травмы, гнева и страха, без которых странная «декорация» каждодневного бытия не может быть правильно понята» [10].

Massumi (1993), анализируя особенности феномена тревоги в постсовременной культуре, приходит к выводу о том, что она: имеет трудно определяемый характер; не является такой острой, как паника; не имеет типичной для истерии локализации; не имеет определенной проекции, определенного содержания и поэтому не является фобией. Автор пишет, что “...это и не сама тревога как таковая. Она более расплывчата. Это страх низкого уровня, вид основной радиации, насыщающей существование” [11].

Повседневная тревога и страх низкого уровня стали “климатом повседневного ландшафта” (Gottschalk, 2000), в котором протекает вся жизнь постмодернистского человека [7].

Человек постсовременного общества все чаще испытывает чувство стыда, одной из причин которого являются бесплодные попытки реализации эмоционально значимых целей и идеалов.

Согласно концепции психологии сэлфа (Kohut, 1977), человек постсовременного общества фактически лишен возможности адекватно осуществлять три вида важнейших для жизни переноса: идеального, зеркального и двойникового. Это связано со свойственным современности отсутствием сколько-нибудь стабильных идеалов, относительностью убеждений и верований, непостоянством или недостаточностью социальной поддержки и необходимостью удовлетворения потребности в принятии, признании и тем более в восхищении. Возникающая вследствие отсутствия этих недостаточностей слабость идентичности приводит к невозможности почувствовать свое экзистенциальное родство с другими людьми, что исключает осуществление длительного полноценного двойникового переноса [8].

Следующая особенность постсовременной культуры заключается в росте значимости средств массовой информации и центральном значении телевизионной коммуникации в жизни человека. По мнению Altheide (1995), сама культура воплотилась в своей форме и в своем содержании в средствах массовой информации. Бесконечная череда бессодержательных, не вызывающих особого зрительского интереса имиджей неизбежно вызывают чувство отстраненности и удаленности от всего происходящего на экранах. Длительное пребывание в виртуальной телевизионной реальности приводит к изменению переживания категорий времени и пространства [2].

Стирание границ между реальностью и фантазией, между серьезностью и развлекательностью приводит к фрагментации и дезорганизации сознания и создает условия для развития психических нарушений с шизофреноподобной клинической картиной [4].

Вышеизложенные факторы квалифицируются нами как условия развития свойственных постсовременной культуре “повреждающих дисфункций”.

Список литературы:

1. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Личностные и диссоциативные расстройства: расширение границ диагностики и терапии: Монография. - Новосибирск: Издательство НГПУ, 2006. - 448с.
2. Altheide, D. (1995) The Ecology of Communication. Cultural Formats of Control (1995) New York. Aldine De Gruiter.

3. Baudrillard, J. (1993) The Transparency of Evil. New York. Verso.
4. Frosh, S. (1991) Identity; Crisis: Modernity, Psychoanalysis and the Self. New York and London. Routledge.
5. Gergen, K. (1991) The Saturated Self.: Dilemmas of Identity in Contemporary Life. New York. Basic Books.
6. Gottschalk, S. (1989) From the Cheerful Robot to the Charming Manipulator. In D. Fee (Ed.) (2000) Pathology and Postmodern. Thousand Oaks, California. SAGE.
7. Gottschalk, S. (2000) Escape From Insanity: “Mental Disorder” in the Postmodern Moment. In D. Fee (Ed.) Pathology and Postmodern. Thousand Oak, California. SAGE.
8. Kohut, H. (1977) The Restoration of the Self. New York. International Universities Press.
9. Levin, M. (1987) Clinical Stories: A modern Self in the Fury of Being. In M. Levin (Ed.) Pathologies of the Modern Self: Postmodern Studies on the Narcissism, Schizophrenia and Depression. New York. University Press: 479-530
10. Maguire, J. (1996) The Tears Inside the Stone. In S. Lasch, B. Szerszynski, B. Wynne (Eds.) Risk, Environment and Modernity: Towards a New Ecology. London and Thousand Oak, California. SAGE: 169-188.
11. Massumi, B. (1993) Everywhere You Want To Be: Introduction To Fear. In B. Massumi (Ed.) The Politics of Every Day Fear. Minneapolis. University of Minnessota Press: 3-37.
12. Petro, P. (1993) AfterShock . Between Boredom and History. Discourse, 16 (2): 77-100.
13. Pitchot, W. (2008) Anxiety Disorders. In Highlights in Psychiatry. Highlights of the Major Congresses and Publication. Abstract Book. Brussel, 22 November: 13.